

А.А. Игнатенко

Халифы без Халифата

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А.А. Игнатенко**
Халифы без Халифата / А.А. Игнатенко – М.: Книга по Требованию, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-458-26633-8

Рассматриваются исламские неправительственные религиозно-политические организации, такие, как "Братья-мусульмане", Исламская партия освобождения, Исламский джихад и им подобные - всего около 100 организаций. Освещаются организационная структура этих организаций, формы и методы деятельности, идеология, программные цели и взаимоотношения с правящими режимами разной политической ориентации, использование этих организаций силами, прибегающими к международному терроризму. Показано отрицательное воздействие этих организаций на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Ближнего Востока, на борьбу за национальное и социальное освобождение арабских народов.

ISBN 978-5-458-26633-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Военный парад 6 октября 1981 г. в пригороде Каира проходил, казалось, по намеченному плану. В небе ревели истребители, через площадь перед почетной трибуной проходили колонны танков, бронетранспортеров, тягачи с пушками на прицепах. Еще один рутинный парад, на которых любил присутствовать президент А.Садат.

Скучали немногочисленные гости и дипломатические представители тех стран, с которыми садатовский режим не успел рассориться. Никто не обратил особого внимания на то, что один тягач с солдатами в кузове остановился: все привыкли к тому, что в Египте Садата что-то останавливается, ломается, портится – даже на парадах. От тягача отделилась группа одетых в военную форму людей с автоматами. Рефлекс сработал у кинооператоров, которые побежали к тому пункту, где должны были пересечься удивленные и испуганные взгляды сидящих на почетных трибунах иностранных гостей египетского президента и траектории автоматных очередей. Треск автоматов, взрывы гранат. Началась и молниеносно закончилась террористическая акция. Через несколько часов стало известно, что А.Садат скончался в больнице от полученных ран. (Было убито и несколько человек из почетных гостей.)

Это событие было первоначально отнесено к египетской политической хронике, однако некоторое время спустя выяснилось, что оно принадлежит к хронике религиозно-политической: А.Садат был убит членами организации Аль-Джихад (Священная война)[2]. Почему же столкнулись в смертельной схватке президент с зашибой на лбу и исламская группировка? Ответить на этот вопрос нельзя без обращения хотя бы к сравнительно недавней истории.

Отношение к религии режима, установившегося после революции 23 июля 1952 г. было сложным, шло по нескольким переплетавшимся линиям.

Первая линия – это борьба против религиозно-политической организации «Братья-мусульмане», существовавшей в стране еще с довоенных времен. Впрочем, сначала, в период некоторой неопределенности, связанной с отсутствием у пришедшей к власти организации «Свободные офицеры» четкой политической программы, а также из-за того, что определенная часть руководителей этой организации была тем или иным образом связана с «братьями-мусульманами», отношение к ней было положительным.

В сентябре 1952 г. были амнистированы члены организации, заключенные в тюрьмы при короле Фаруке. Им было возвращено конфискованное имущество, а при создании нового кабинета министров предполагалось три министерских портфеля распределить среди представителей «Братьев-мусульман». В 1954 г. А.Садат писал: «Отношение Революции к “братьям” было таким, что все были склонны считать ее (революцию 1952 г. – А.И.) делом их рук»[3].

Более того, спустя много лет один из руководителей египетских «братьев-мусульман» Омар Тлемсани объявил их «творцами» революции 23 июля 1952 г. и утверждал, что еще в 1951 г. были установлены тайные контакты между «братьями» и Гамалем Абдель Насером. Контакты эти якобы имели целью разработать план восстания, определить политическое содер-

жание будущей революции. В соответствии с секретным соглашением Г.А.Насер обязывался сразу после переворота приступить к претворению в жизнь программных принципов «Братьев-мусульман» во всех областях. Омар Тлемсани утверждает даже, что Г.А.Насер дал «клятву верности» (байа) «братству», к которому, по его словам, принадлежали также и такие «свободные офицеры» как Камаль-ад-Дин Хусейн, Абд-аль-Латыф Багдади, Хусейн аш-Шафии, Халед Мохи эд-Дин[4].

Но эта идиллия длилась недолго. 26 октября 1954 г. на митинге в Александрии член «братства» Абд-аль-Латыф совершил неудавшееся покушение на Насера. Заработал аппарат госбезопасности. Более семи тысяч «братьев» было арестовано, 867 из них были приговорены Народным трибуналом к различным срокам тюремного заключения и каторжных работ. Несколько руководителей организации были повешены 8 декабря 1954 г., а вместе с ними – покушавшийся на жизнь Насера боевик.

Дело в том, что сразу же после революции «Братья-мусульмане» стали оспаривать у «Свободных офицеров» власть. Во время первой встречи Насера и тогдашнего «верховного наставника» «братства» аль-Худайби последний потребовал «немедленного претворения в жизнь учения Корана», на что Насер ответил, что революция 23 июля – «война против социального гнета, политического деспотизма и британского империализма и поэтому она не что иное, как претворение в жизнь учения Корана»[5].

В январе 1953 г. «Братья-мусульмане» потребовали у Насера образовать специальный комитет, которому представлялись бы на рассмотрение и утверждение все законы до их принятия; «братья» предлагали также провести референдум о создании в Египте исламского государства[6]. Ответ насеристского руководства всегда был отрицательный.

В январе 1954 г., после инспирированных «братством» беспорядков организация была официально распущена. Тогда-то она и попыталась убрать Насера и захватить власть силой.

В середине 60-х годов наступил второй этап конфронтации между египетским руководством и «Братьями-мусульманами». Его специфическая черта заключалась в том, что более четко определилась социально-политическая ориентация Египта – на некапиталистический путь развития. Именно против нее и была направлена в первую очередь подрывная деятельность «братьев-мусульман».

В 1966 г. – новый процесс, новые казни. Среди повешенных «братьев-мусульман» – Сайид Кутб, идеолог организации.

Суровое подавление «братства» кроме своего прямого результата, видимо, имело целью продемонстрировать силу исламским деятелям, прямо не участвовавшими в организации. Они были поставлены перед дилеммой: либо вступить в открытую борьбу с руководством страны, либо поддержать его. Большинство выбрало второе.

И здесь мы касаемся еще одного аспекта отношения египетского руководства к религии – подчинения религиозного комплекса (духовенства,

мечетей, религиозных учебных заведений, пропагандистских центров и т.п.) государственному аппарату.

В середине 50-х годов исламское духовенство было лишено монополии в области судопроизводства, управление вакфами было передано в распоряжение министерства вакфов (религиозных дел), что подорвало экономическую основу мечетей. В сентябре 1954 г. это министерство приняло решение об исключении из пятничных проповедей в мечетях политических вопросов, рекомендовав ограничиться такими темами, как «чистота тела и одежды», «советы по сельскохозяйственным вопросам», «вопросы морали» и т.п. (После подавления движения «братьев-мусульман» в 1954–1955 гг. это решение было отменено.)

В дальнейшем, после образования в 1961 г. Арабского социалистического союза (АСС), тексты пятничных проповедей, произносимые в мечетях, направлялись в министерство вакфов, а также в Секретариат пропаганды и идеологии АСС с целью «укрепления идейного сотрудничества между органами, занимающимися идеологией и пропагандой в Республике»[7], а на самом деле – для осуществления контроля за пропагандистской деятельностью духовенства.

По закону 1961 г. о развитии культово-образовательного комплекса Аль-Азхара президенту республики было предоставлено решающее слово в определении статута этого всемирно известного теологического центра религиозной жизни в Египте. Он стал назначать ректора и главного имама Аль-Азхара и сам возглавил его высший совет. Иными словами, президент юридически стал главой исламских религиозных деятелей в стране.

Для чего же понадобилось египетскому руководству «сращивать» госаппарат и религиозный комплекс? Оно стремилось, и это третий аспект в его отношении к религии, использовать религию в качестве одного из инструментов решения насущных социально-политических проблем.

Так, во-первых, для руководства страны был характерен в 60-е годы своего рода «религиозный популизм». Обращение к массам мыслилось возможным преимущественно на языке религиозных понятий и символов. Характерный образец – выступление Г.А.Насера на первомаяском митинге в 1966 г. «Религия, – говорил он тогда, – это единство, религия – это чтоб мы давали деньги мусульман мусульманам, а не изымали денег мусульман в пользу одного человека или одной семьи или небольшого числа эксплуататоров. Религия – это социальная справедливость. Тот, кто хочет претворить религию в жизнь, должен отдавать деньги мусульман мусульманам, говоря: “...Это и есть религия”. Тогда мы скажем ему: “Ты стал социалистом, так как устанавливаешь социальную справедливость и равенство между людьми”»[8].

Во-вторых, и это связано с общей установкой на использование религии в политических целях, египетское руководство стремилось к осуществлению сближения между исламом и христианством. Поэтому «религиозный популизм» в Египте имел двойной исламско-христианский характер. В своей речи на митинге в г. Александрии 28 июля 1963 г. Г.А.Насер произнес о ре-

лигии программные слова, которые в дальнейшем цитировались очень часто. «Мы гордимся, – говорил он, – что следовали религии с первых дней нашей Революции... И в этом – великий секрет ее успеха – следование религии, обращение к религии»[9]. Но он подразумевал не один только ислам. В начале этой речи Г.А.Насер сказал: «Мы гордимся тем, что следуем религии. Каждый из нас своей: мусульманин – своей, христианин – своей. Ведь религия представляет собой верный, истинный путь»[10].

Такая двойная (исламско-христианская) религиозность была закреплена и в египетских официальных документах. В Национальной хартии, программном документе Арабского социалистического союза, в качестве одной из «гарантий революции» фигурировала «непоколебимая вера в бога, его пророков и апостолов, его священные посланничества»[11]. В-третьих, провозглашение египетским руководством курса на некапиталистическое развитие (в Египте его называли «социализм») подкреплялось также обращением к религии. Выше мы привели образец рассуждений о «социалистическом характере» ислама. Это один из многих примеров, обилие которых побудило некоторых исследователей рассматривать идеологические воззрения египетского руководства как «исламский социализм», считая, что под «религией» в Хартии подразумевался только ислам. Здесь важно подчеркнуть еще раз, что государственные и партийные деятели в Египте не говорили, как правило, об «исламском социализме» или «христианском социализме». Они вели речь о «социалистическом характере» как ислама, так и христианства. Это нюанс, но нюанс очень важный для понимания отношения египетского руководства к религии в рамках идеологии «арабского (египетского) социализма».

И поэтому мусульмане – члены государственного и партийного руководства говорили о «социалистическом характере» ислама, христиане – о «социалистическом характере» христианства. Например, христианин-копт Камаль Рамзи Стино, член Высшего исполнительного комитета АСС, в своих сочинениях заявлял, что «не является христианином тот, кто не верит в социализм»[12].

На египетском книжном рынке в те годы появлялись произведения, если можно так выразиться, религиозно-национально-объединительного характера, явно инспирированные правящей группой. Они имели целью создание синкретической исламско-христианской религии как основы для «уничтожения злобы, ненависти и разделения между сынами одной нации (египетской. – А.И.) из-за различий в их догматах»[13].

Коптская церковь прилагала старания в обосновании правительственной политики в разных формах. Например, в апреле 1968 г. произошло так называемое «зейтунское чудо»[14]. Интересна цель, с которой, по мысли составителей официальной публикации коптской церкви, «явилась» дева Мария: «Она явилась, чтобы мобилизовать народ Египта на отвращение от этой страны израильской агрессии, чтобы мусульмане и копты снова посещали Священную Землю (Иерусалим)»[15]. Интронация в 1971 г. нового коптского папы – Шеннуды III дала повод представителям коптской церкви заявить о своей верности «священному единству», связывающему мусульман и хри-

стиан, о «необходимости борьбы за усиление национального единства: ведь мы одна нация, у нас один общий враг, общая борьба, общая судьба»[16].

Наконец, предпринимались попытки использовать ислам и христианство во внешнеполитических целях, например для антисионистской пропаганды, рассчитанной на страны распространения этих двух религий[17].

Результаты курса в отношении религии, который проводило насеристское руководство, были неоднозначны.

Да, руководство Аль-Азхара, египетские исламские идеологи, связанные с этим крупнейшим исламским центром, выполняли поставленные перед ними задачи, идеологически поддерживая курс правительства Египта.

Но эта поддержка была формальной и, по правде сказать, в значительной степени лицемерной. Характерно в этом отношении следующее признание главного шефа-редактора «Журнала Аль-Азхара»: «Некоторые авторы (в период правления Г.А.Насера. – А.И.) писали и говорили о мусульманском социализме или об арабском социализме в свете ислама... чтобы, используя современную терминологию, привлечь к вере введенных в заблуждение отступников»[18].

Влияние религиозных деятелей на массы неизмеримо усилилось благодаря тому, что им в этом помогал предоставленный в их распоряжение государственный пропагандистский аппарат. Страну буквально захлестнул поток религиозной литературы. Достаточно сказать, что из примерно 35 книг и брошюр, которые выходили в насеровском Египте ежемесячно, около 30 в той или иной степени были посвящены религии (из них девять десятых – исламской тематике, остальное – христианской)[19]. И это не считая газетных и журнальных статей. Резко возросло количество мечетей. К 1963 г. оно удвоилось по сравнению с дореволюционным периодом и составило в 1966 г. более 15 тыс.[20]

После своего прихода к власти в 1970 г. А.Садат стал использовать с полной нагрузкой религиозные структуры и идеи в процессе переориентации Египта. Достаточно ярко степень «согласованности» между установками сاداتовского руководства и идеологическо-пропагандистской деятельностью улемов, включенных в государственные структуры, иллюстрируют два примера из огромного множества. В апреле 1974 г. А.Садат выступил с докладом, в котором излагались принципы «политики открытых дверей», т.е. прозападной и прокапиталистической переориентации Египта. Доклад получил название «Октябрьский документ» (Варака Уктубар). Майский же номер крупнейшего египетского религиозного журнала «Трибуна ислама» (Минбар аль-ислям, издается Высшим советом по исламским делам) опубликовал следующие статьи: «“Октябрьский документ” и правопорядок», «Духовные ценности в “Октябрьском документе”», «“Октябрьский документ” – интегральный метод строительства общества», «Исламские понятия, извлеченные из “Октябрьского документа”», «Ислам и политика открытых дверей в экономике» и т.п. В марте 1975 г., незадолго до так называемого «синайского соглашения» – первого этапа на пути к кэмп-дэвидскому сговору, появилась явно инспирированная властями брошюра, изданная Академией исламских

исследований Аль-Азхара, в которой говорилось, что «ислам призывает к немедленному согласию на предложение мира, от кого бы это предложение ни исходило»[21].

И что примечательно! Лексикон садатовской пропаганды, используемые ею клише, рассчитанные на массовое сознание, были практически те же, которые можно было найти в египетской пропаганде и ранее. Так, говорилось об «арабском социализме», главным аспектом которого является «религия, в которую мы веруем – как мусульмане, так и христиане». При этом лозунги, оставшиеся от прежних времен, наполнялись антидемократическим и антикоммунистическим содержанием.

Таким образом, религиозный комплекс, контролировавшийся и направлявшийся государством, в новых условиях переориентировался достаточно оперативно.

Сложнее обстояли дела в области отношений между режимом и «Братьями-мусульманами», а также другими религиозно-политическими организациями, действовавшими независимо от государства.

После смерти Г.А.Насера (28 сентября 1970 г.) «братья-мусульмане» были, по-видимому, настроены оптимистически. Они сразу же выступили со своей программой перестройки египетского общества. Уже в октябре 1970 г. вышла в свет брошюра одного из членов этой организации – Мухаммада Галляля Кишка «Чего хочет египетский народ». Оказывается, «египетский народ» (читай: «братья-мусульмане») «хотел» отказа от процесса прогрессивных социально-экономических преобразований, разрыва с Советским Союзом, борьбы против прогрессивных сил внутри страны. Кроме того, в брошюре, представлявшей собой открытое письмо А.Садату, ставились задачи «проведения исламской политики»[22].

Заявка «братьев-мусульман» и других реакционных сил в значительной степени была выполнена. Факты, связанные с внутри- и внешнеполитической переориентацией Египта, достаточно хорошо известны. Что же касается области религии, то, например, конституция, принятая 11 сентября 1971 г., усиливает религиозное прикрытие режима. Ислам объявляется государственной религией (ст. 2), заявляется, что «семья строится на принципах религии» (ст. 9), ставится задача повышения уровня религиозного образования (ст. 12). Закон № 63 от 1 августа 1976 г. запрещает продажу алкоголя в общественных местах. 15 августа 1977 г. было принято постановление, запрещающее гражданам, не постящимся в месяце рамадан, открыто это демонстрировать. Закон № 47 от 18 июля 1978 г. запрещает государственным служащим пить спиртные напитки и играть в карты в клубах и общественных местах. Народный совет (Маджлис аш-шааб) в 1977 г. всерьез рассматривал законопроект о введении смертной казни за неверие и выступление против ислама. «Конституционная реформа» 22 мая 1980 г. превратила исламский шариат в источник законодательства. В начале 1980 г. было объявлено о плане строительства тысячи новых мечетей. И это при том, что к этому времени в стране уже было 40 тыс. мечетей (из которых 15 тыс. – в Каире и его пригородах)[23].

А.Садат пытался подчеркивать свое родство с «братьями-мусульманами», заявляя, что восхищался Хасаном аль-Банной, основателем «братства»[24]. Его ежепятничным молениям в мечети уделялось много места в субботних выпусках всех египетских газет.

Эти заигрывания с консервативными религиозными силами имели четкую политическую цель. Египетский президент стремился использовать религиозный фактор в борьбе против всех прогрессивно-патриотических сил в стране. В 1973 г. Саудовская Аравия получила разрешение египетского правительства на создание и финансирование в АРЕ тысячи «исламских комитетов по борьбе против атеистического марксизма»[25]. С антисоветскими целями поощрялись призывы «братьев-мусульман» «вернуть в лоно ислама мусульманские народы Советской России»[26]. Проправительственная пресса захлебывалась призывами к мусульманам объединиться для борьбы против «красной власти в Афганистане и советского экспансионизма»[27]. Египетские «братья-мусульмане» не без согласия со стороны правительства становились членами наемных банд, забрасывавшихся в Демократический Афганистан из соседних стран.

Символом примирения между «братьями-мусульманами» и правящим режимом стала встреча А.Садата с «верховным наставником» «братства» Омаром Тлемсани, состоявшаяся в сентябре 1979 г. в г. Исмаилийя. Она завершила процесс, начало которому было положено еще в 1971 г., когда при посредничестве саудовского короля Фейсала была организована встреча А.Садата с египетскими «братьями-мусульманами», находившимися за рубежом. Тогда египетский президент поспешил заявить им об «общности целей в борьбе против атеизма и коммунизма». Именно после этой встречи намечилось улучшение отношений между египетскими «братьями-мусульманами» и садатовским режимом.

Однако полного сближения между А.Садатом и консервативными исламскими группировками все же не произошло. Поощряемое режимом исламское движение стало настолько широким, что начало дробиться на фракции, политические программы которых нередко существенно отличались друг от друга не только в деталях, но и по принципиальным вопросам.

Среди этих организаций следует особо выделить Исламскую партию освобождения, наиболее заметной акцией которой был неудачный штурм военного колледжа в Каире в апреле 1974 г.

С 1975 г. на сцену египетской религиозно-политической жизни выходят «исламские группы» (аль-джамаат аль-ислямийя), те самые, которые было разрешено создать Саудовской Аравии. Исследователи отмечают высокий уровень организованности этих групп и считают, что именно их члены составили те 40 тыс. человек, которые собрались в ноябре 1979 г. на коллективную молитву на каирской площади Абдин.

Известный египетский публицист Мухаммад Хасанейн Хейкал отмечает, что «при попустительстве и поощрении со стороны властей»[28] исламские группы, созданные в университетах, набирали силу. Большую роль в их экспансии сыграла финансовая поддержка и даже снабжение оружием со

стороны богатейшего человека Египта – Османа Ахмада Османа, а также Мухаммада Османа Исмаила, губернатора Асьюта и бывшего генерального секретаря Арабского социалистического союза.

Перед исламскими группами была поставлена задача вытеснить насеристов и других представителей прогрессивных сил из органов студенческого самоуправления и молодежного движения. В значительной степени это удалось. Так, в 1978/79 учебном году в Александрийском университете члены Исламских групп заняли все 60 мест в руководстве студенческой ассоциации на медицинском факультете, столько же – на инженерном, 47 из 48 мест – на юридическом, 43 из 60 – на фармацевтическом.

Захватив командные посты, они стали еще более настойчиво, чем раньше, навязывать в университете свои порядки. Занятия каждый день стали начинаться с молитвы. Как нерелигиозные перестали отмечаться национальные праздники. Были пересмотрены программы и многие темы, например дарвинизм, за свое «несоответствие исламу» были выброшены из учебного курса. Были запрещены празднества, сопровождавшиеся музыкой. Был установлен контроль за меню в студенческой столовой на предмет соответствия блюд исламской сунне – обычаю. Пресекались встречи наедине юношей и девушек. С несогласными расправлялись силой. В ход пошли ножи.

Исламские группы, несомненно, готовились к более серьезным делам. Летом 1981 г. во время организованных полицией обысков в Верхнем Египте было обнаружено 3 тыс. единиц оружия, принадлежавшего исламским группам. У них была припрятана даже зенитная пушка! Нашли, насколько можно судить, не все, так как в период, непосредственно последовавший за убийством А.Садата в октябре 1981 г., именно в Верхнем Египте вспыхнули ожесточенные бои между исламистами и полицией.

В 1977 г. в Египте много шума наделала подпольная религиозная группа Ат-Такфир ва-ль-хиджра, программа которой видна из самого названия этой организации – «Обвинение в неверии и уход от мира». Программа эта явно позаимствована у крайних группировок «братьев-мусульман». Члены организации исходили из того, что египетское общество не является мусульманским, а обществом «неверных», которые отошли от «истинного ислама». Вследствие этого, считали они, «истинным мусульманам» необходимо изолироваться от такого общества, совершить духовную хиджру (исход) от мира – по аналогии с хиджрой пророка Мухаммада из Мекки, где не признавали его учение, в Медину. Похищение и убийство членами группы бывшего министра вакфов аз-Захаби возмутило египтян. На организацию, имевшую свои филиалы во многих городах страны, обрушились репрессии. 400 человек было арестовано, из них 20 – приговорены к каторжным работам, пять – к смертной казни.

Примечательно следующее. В июле 1977 г. каирский еженедельник «Роз Эль-Юсеф» обнародовал данные, из которых следовало, что члены организации Ат-Такфир ва-ль-хиджра пользуются исключительно большим влиянием среди студентов, практически целиком контролируют всю их жизнь на коммерческом факультете Каирского университета, инженерном –

Университета Айн-Шамс, медицинском – Александрийского, естественно-научном, инженерном, агрономическом – университета Аль-Мансура, на различных факультетах университета в Асьюте. Еженедельник, однако, не рассказал читателям, что ячейки этой организации паразитировали на легальных, созданных с благословения правительства исламских группах, назначением которых было бороться против влияния коммунистической идеологии. Члены Обвинения в неверии внедрялись в исламские группы, становились их руководителями, участвовали в официальных мероприятиях, формально представляли исламские группы, но на деле проводили собственную политико-идеологическую линию[29].

Место разогнанной организации заняли другие с подобной программой, а возможно, ее остатки, несколько реорганизованные и изменившие название – «Братство священной борьбы» (уничтожена в августе 1977 г.), «Молодежь Мухаммада», действовавшая преимущественно в сельской местности, «Священная война» и др.

Если сравнительно умеренные «братья-мусульмане» (они были представлены печатным органом «Ад-Даава» – «Призыв») выражали готовность сотрудничать с А.Садатом, то у других к президенту накопились самые разные претензии.

С точки зрения одних религиозных экстремистов, А.Садат являлся предателем. Он, бывший член организации «Братья-мусульмане», активно участвовал в ее подавлении в годы правления Г.А.Насера. Достаточно вспомнить в этой связи, что именно он был председателем Народного трибунала, вынесшего смертный приговор Сайиду Кутбу – идеологу организации, который стал мучеником, почитаемым всеми религиозно-политическими экстремистами в Египте и других арабских странах.

Другие, и их было большинство, не могли простить А.Садату принятие закона № 40 от 2 июля 1977 г., запретившего создание политических партий на религиозной основе и тем самым лишившего все религиозно-политические группировки (в том числе и «Братьев-мусульман») возможности действовать легально.

Третьим не нравилось заигрывание А.Садата с египетскими христианами, а также поощряемое режимом сближение между христианами и мусульманами[30]. На это мусульманские экстремисты отвечали террористическими акциями против христиан. Все правление А.Садата было отмечено межконфессиональными стычками, нередко переходившими в кровавые побоища между мусульманами и христианами. Убийство коптского священника в сентябре 1978 г., поджог церкви девы Марии (той самой, где в апреле 1968 г. состоялось «зейтунское чудо») в апреле 1979 г., стычки в Асьюте в апреле 1980 г. и в Александрии год спустя, коптский погром в июне 1981 г. в столичном районе Завия Эль-Хамра (35 убитых и 50 раненых), взрыв в каирской церкви Шубра в августе 1981 г. (трое убитых и 56 раненых) – вот яркие примеры из большого списка антихристианских выступлений, инспирированных членами экстремистских исламских НРПО.

Не по душе им было и провозглашавшееся режимом сближение между исламом, христианством и иудаизмом – попытка религиозного обоснования треугольника «США – Израиль – Египет»[31].

Наконец, и это самое главное, протест широких масс египтян вызвала политика садатовского руководства. Империалистическое присутствие в стране, крушение надежд широких слоев в связи с проводившейся правительством А.Садата «либерализацией» экономики, катастрофический рост имущественного неравенства, заключение сепаратного мира с Израилем и рост изоляции Египта в арабском и исламском мире, другие социально-экономические и политические беды Египта – все приводило к расширению оппозиции режиму. Но за несколько десятилетий религиозная окрашенность политического действия стала неотъемлемым элементом политической культуры в стране. Для многих религия была единственной формой выражения политического протеста.

Такое положение привело к тому, что внутри исламского движения в Египте сформировались два взаимодополняющих течения: во-первых, более или менее умеренное просадатовское, которое требовало лишь признания «братьев-мусульман» в качестве политической организации в рамках существующего режима (все остальное их устраивало), и, во-вторых, экстремистское, выступавшее против курса А.Садата, выразившегося, в частности, в сговоре с Израилем, разрыве с арабскими и исламскими странами, проникновении в страну западных монополий и т.п. Общим знаменателем для обоих являлись ретроградность, антикоммунизм, панисламизм, антихристианская и антикоптская направленность.

А.Садат сознавал опасность режиму, исходившую от оппозиционных исламских организаций: буквально за несколько дней до его гибели были произведены многочисленные аресты среди руководителей исламского движения. Тогда же был арестован и «верховный наставник» «братьев-мусульман» Омар Тлемсани. Однако смертельный удар богобоязненному президенту был нанесен малоизвестной группировкой Священная война...

Что же оставил убитый президент своим преемникам? За семь лет политики «открытых дверей» руководство страны отказалось едва ли не от всех социально-экономических достижений предшествующего периода. Экономическая активность ограничивалась в основном открытием новых банков (из которых более половины – иностранные), созданием предприятий в сфере услуг и т.п., то есть ростом тех сфер, в которых возможен быстрый оборот капитала. В этот период инфляция составляла, согласно официальным данным, 20% в год, а по подсчетам независимых экономистов, – 40%. Доля заработной платы в расходах по государственному бюджету снизилась за семь лет с 46 до 31%, а реальная заработная плата уменьшилась в среднем в два раза. 5% населения, оказавшиеся на вершине образовавшейся социальной пирамиды, присваивали 25% национального дохода, 10% самых богатых египтян потребляли 50% всех товаров. В стране было официально зарегистрировано 823 миллиардера, а 37% всего населения оказались ниже официальной черты бедности. Крайне обострилась проблема жилья; египтяне нуж-